

ИНДИВИДУАЛИЗМ КАК ФИЛОСОФСКОЕ И ЭТИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ СОВРЕМЕННОГО ПОДРОСТКОВО-МОЛОДЕЖНОГО РОМАНА

INDIVIDUALISM AS THE PHILOSOPHICAL AND ETHICAL FOUNDATION OF THE CONTEMPORARY YOUNG ADULT NOVEL

Н. С. ЗЕЛЕЗИНСКАЯ
N. S. ZELEZINSKAYA

*Белорусский государственный университет
ул. Ак. Курчатова, 5, 220045, Минск, Беларусь
e-mail: zelennew@tut.by*

В статье рассматривается жанр проблемного подростково-молодежного романа в философском и социокультурном контексте эпохи. Основное внимание уделяется зависимости эволюции героя подросткового романа от развития теории индивидуализма. Проблемный подростково-молодежный роман рассматривается как продукт культуры присутствия и культуры повседневности с их вниманием к размыванию бинарных оппозиций, проживанию момента, телесности и т.д. В статье выявляются типологические черты героя проблемного подростково-молодежного романа на материале произведений Дж. Фойера, Дж.-Дж. Мойес, Н. Хорнби, Дж. Пиколт, Дж. Грина, Дж. Эшера и др. Особое внимание уделяется мотиву коллективной и личной ответственности в рамках рассматриваемого жанра.

The article examines the genre of the problem young adult novel in the philosophical and socio-cultural context of the age. It discusses the connection between the evolution of the young adult hero and the development of Western individualism. The problem young adult novel is seen as a product of the culture of presence and everyday life with their attention to the blurring of binary oppositions, the living of the moment, corporeality, etc. The article reveals features of the hero of the problem young adult novel by J. Foyer, J.-J. Moyes, N. Hornby, J. Picoult, J. Green, J. Asher and others. Particular attention is paid to the motif of collective and personal responsibility within the genre.

Ключевые слова: проблемный подростково-молодежный роман; социальный роман; эмоциональность; культура присутствия; культура повседневности; самоидентификация; индивидуализм; эмпатия; принятие.

Key words: problem young adult novel; social novel; emotionality; culture of presence; everyday life; self-identification; individualism; empathy; acceptance.

Проблемный подростковый и молодежный роман является гибридом реалистического подросткового романа и социального проблемного романа. Его также можно классифицировать и как роман взросления. На первом этапе развития проблемного молодежного романа типичным героем является аутсайдер («Изгой» С. Э. Хинтон, «Заводной апельсин» Э. Берджесса, «Над пропастью во ржи» Дж. Сэлинджера). Героя не понимают семья и общество, он точно не паинька, не отличник, не послушный мальчик. Реальность в этих произведениях представлена как имманентно враждебная невзрослому человеку, другому по отношению к мейнстриму, но категоричного противопоставления герою нет, в отличие от категоричности бинарной оппозиции взрослые/подросток. Протагонист сливается с реальностью, рождается в ней и порождает ее: он так же жесток, как его мир. При этом автор стремится к объективности через представление

целого спектра современных проблем, не выделяя ни одну из них как основную: наркотики, выпивка, курение, криминальные улицы, неприкаянность подростков. Акцент в художественных произведениях делался на социальный контекст. Действительность изображалась как пагубное влияние на личность подростка.

Трагические события начала века, перевернувшие европейское и американское сознание, разочарование в постмодернистской эстетике и этике привели к смене философской парадигмы и литературной традиции. Семиотический подход к действительности, преобладавший в XX в., навязывал лишь одно из отражений как верное, выбирая его исходя из ценностной системы мейнстрима, и сегодня не является удовлетворительным. Не удовлетворительно и постмодернистское решение проблемы истины как отсутствие оной. Непосредственное восприятие реальности, свойственное метамодернистской чувствительности, создает множественные картины мира, следовательно, размывает дихотомии добро – зло, истина – ложь и т.п., поскольку все эти значения есть отражения реальности. Осознание несостоятельности теорий единственности истины и отсутствия истины означает преодоление искажений отражения, другими словами, стремление к повседневности как она есть. У повседневности нет единого значения, истины, есть здесь и сейчас, множественность, ощущение, проживание, восприятие. Интерпретации реальности как череды отражений, следовательно, череды разных значений обогащает дихотомию белого и черного новыми оттенками. Вследствие новой чувствительности культурная и литературная палитра становится более разнообразной и менее категоричной. Писатели выбросили постмодернистские линзы цинизма и иронии, освободились от языковой зависимости и приверженности значениям и интерпретациям и попытались передать присутствие человека в мире, полном добра и зла, потенциально опасного и одинаково беспощадного ко взрослым и к детям.

Типичный подростково-молодежный роман XXI в. фокусируется на здесь и сейчас: на одной, достаточно четко сформулированной проблеме, приложенной к жизни отдельного человека, чаще – юноши, подростка или даже ребенка. Конфликт в интересующем нас жанре рождается, когда повседневность – прекрасная и ужасная одновременно – сталкивает героя с критической для нашего общества проблемой. В новой философской парадигме выбор юного героя обладает большим потенциалом, поскольку снимает вопрос вины и ответственности и концентрируется на модусе совместимости героя с этим миром и выживании в нем. По той же причине герой должен быть обычным, таким, как все.

Подчеркнуто обычный герой, такой как ты или я, кажется полной противоположностью предыдущему типу аутсайдера, однако обычность выпячивается настолько, что герой в каком-то смысле тоже становится изгоем: его неамбициозность, незаметность часто не понимают и высмеивают окружающие в «Девятнадцати минутах» (*Nineteen Minutes*, 2007), «Бумажных городах» (*Paper Towns*, 2008) Джона Грина, «Дудочнике» (*Piper*, 2017) Джея Эшера, «Я до тебя» (*Me Before You*, 2012) Джо-Джо Мойес и др. Героиня последнего из перечисленных романов подчеркивает свою заурядность, противопоставляет себя умной сестре, признается в отсутствии хорошего образования, зарабатывает на жизнь неквалифицированным трудом и в 26 лет живет с родителями в скромном доме на две семьи в провинциальном городке. Луизу все устраивает: «Послушай... Ты же хочешь кем-то быть?» Но я не хотела» [1]. По нашему наблюдению, наибольшие шансы стать протагонистом молодежного романа (реалистического, проблемного в том числе) имеют два типа героя: самый обыкновенный из обыкновенных (такой выбор дает понять читателю, что все это могло бы случиться и с ним) либо человек со странностью, недостатком, серьезным изъяном или болезнью. Эта особенность часто

подается как достоинство или как возможность развить в себе некие положительные черты, которых нет у других. «Одна из причин, по которой я рад, что у меня синдром Аспергера, – мне не хватает воображения. Многие – учителя и школьные психологи, даже психиатры – считают это дефектом. Я же считаю отсутствие живого воображения счастьем. Логическое мышление не позволяет тратить время впустую на тревоги или надежды. Оно уберегает от разочарований. С другой стороны, воображение заставляет человека волноваться о том, чего в реальной жизни может никогда и не случиться» [2; пер. И. Паненко].

По сути дела, второй тип героя – это доведенный до крайности первый. В любом случае, герой проблемного молодежного романа подчеркнута неидеален, потому что он один из нас, а мы все неидеальны. Здесь наблюдается явный разрыв с «классическим» подростковым романом, «супермальчиками» и «супердевочками», способными в одиночку бороться со злом и побеждать его. Очевидно, что новый тип героя есть следствие переосознания бинарной оппозиции добро – зло и равно попытка современного гуманитарного знания переосмыслить субъекта в терминах децентрирования и индивидуализма. Индексы индивидуализма наиболее высоки для стран Западной Европы, особенно для стран англо-саксонской цивилизации (США, Великобритания)¹. Будучи продуктом этой цивилизации, проблемный подростково-молодежный роман сконцентрирован на индивидуальности и ее повседневности.

Джеймс Линдси начинает статью «Этическая ценность индивидуальности» следующим образом: «Отличительной чертой, особой ценностью человека является его индивидуальность. Ее нравственной природе присуща значимая самооценка. Каждый человек, в определенном роде, представляет собой индивидуальность, но он не обладает истинной индивидуальности до тех пор, пока не обретет индивидуальность, а это удается, надо сказать, небольшому числу людей. Индивидуальность – это то, что действительно отличает человека от любого другого живого существа. Индивидуальность есть крайний неделимый элемент реальности» [3, р. 423]. Индивидуалистическое мировоззрение, разделяемое европейцами и американцами, представляет собой философское обоснование описанного нами выше героя: «Я прочел первую главу «Краткой истории времени», когда папа был еще жив, и у меня возникли за пределами тяжелых гири на сердце от того, как, в сущности, мало значит человеческая жизнь и как в сравнении со Вселенной и в сравнении с вечностью вообще не важно, что я существую. Когда в ту ночь папа укладывал меня спать, и мы обсуждали книгу, я спросил, знает ли он решение этой задачи. «Какой задачи?» – «Того, что наша жизнь так мало значит». Он сказал: «Ну, смотри: что будет, если самолет сбросит тебя посреди пустыни Сахара, и ты возьмешь пинцетом одну песчинку и сдвинешь ее на один миллиметр?» – «Вероятно, я умру от обезвоживания». Он сказал: «Я имею в виду, в тот момент, когда ты сдвинешь песчинку. Что это будет означать?» Я сказал: «Без понятия, а что?» Он сказал: «Подумай». Я подумал. «Ну, типа, что я сдвинул песчинку». – «Из чего следует?» – «Из чего следует, что я сдвинул песчинку». – «Из чего следует, что ты изменил Сахару». – «И что?» – «Что? А то, что Сахара – крупнейшая пустыня. Она существует десятки миллионов лет. А ты ее изменил!» – «Вот это да! – сказал я, садясь на кровати. – Я изменил Сахару». – «Из чего следует?» – сказал он. «Что? Ну, скажи». – «И я ведь не говорю о том, чтобы нарисовать «Мону Лизу» или найти лекарство от рака. Я говорю всего лишь о том, чтобы сдвинуть одну песчинку на один миллиметр». – «Ага?» – «Если бы ты этого не сделал,

¹ Хотя, в таблице распространения индивидуалистических ценностей в разных странах Ф. Тромпена-арса, на первом месте Израиль.

история человечества пошла бы по одному пути...» – «Угу?» – «Но ты это сделал, и поэтому...» Я встал во весь рост, указал пальцами на фальшивые звезды и крикнул: «Я изменил ход истории человечества!» – «Вот именно». – «Я изменил Вселенную!» – «Точно». – «Я Бог!» – «Ты атеист». – «Меня не существует!» Я плюхнулся обратно в кровать, к нему в охапку, и мы вместе раскололись» [4; пер. В. Арканова].

Для понимания жанра проблемного подростково-молодежного романа важнейшим вопросом является проблема соотношения индивидуального разума и коллективного сознания, особенно ввиду его генетической связи с социальным романом. Изоляция индивида от общества и рассмотрения в вакууме, как это было в философии и литературе XVIII в. («Робинзон Крузо» Д. Дефо), не может привести к релевантным результатам. Индивидуальность развивается во взаимодействии с обществом, но моральная ценность индивида не в том, что его достоинство и ценность видятся как характеристики члена общества. «Ни от общества, ни от государства, ни от внешней силы не может зависеть право индивидуальности на то, чтобы быть свободной, самосознательной личностью, способной реализовать личностные задачи и цели» [3, р. 425]. Сегодня европейская цивилизация стоит на той позиции, что хоть индивидуальности нужно общество, общество не может стать важнее индивидуальности, поскольку само состоит из индивидуальностей. Именно поэтому индивидуальность не может быть ограничена конкретным обществом даже будучи его единицей. Следовательно, смысл индивидуальности гораздо глубже, чем быть гражданином, индивидуальность стремится к тому, чтобы топос ее существования мыслился как вся планета Земля (отсюда, укорененность проблемного подростково-молодежного романа в индивидуализме объясняет внимание жанра к глобальным проблемам человечества: терактам, неизлечимым болезням, биоэтике и др.). Кроме того, если раньше герой должен был выбрать ответственность перед другими («Чума»), то сегодня он выбирает ответственность перед собой (возможно, перед собой и перед избранными другими, но никогда перед всеми другими). И если раньше правильный выбор – счастье и жизнь других (во множественном числе, несомненно), то сегодня правильный выбор – жизнь и счастье свое через Другого, а Другого – через свое.

Таким образом, художественная реальность, как и раньше, ставит героя перед выбором, но сегодняшней правильный выбор ассоциируется со способностью к самоидентификации. Без понимания себя и решения внутренних проблем внешний конфликт не может разрешиться. Следовательно, в структуре мотива социальной ответственности меняется объект.

Именно отказ от ответственности за всех и вся, от попыток вправить вывихнутый сустав XXI века позволяет остаться эмоционально устойчивым. Индивидуализм позволяет заменить невозможное на реальное, выполнимое. Принятие ужасов мира как имманентной данности позволяет сосредоточиться на построении своей маленькой безопасной вселенной. Одной из первых книг, раскрывающих индивидуалистическую философию подростка, является, несомненно, «О мальчике» Ника Хорнби. Автор очень четко проводит границу между крайним индивидуализмом, т.е. равнодушием, и коллективной ответственностью, т.е. индивидуальной безответственностью, и решительно настаивает на золотой середине: «Уилл посмотрел на странную группку людей, с которыми ему пришлось провести этот день, и попытался все разложить по полочкам. Все эти пересечения и связи! Он не мог не думать об этом. По натуре, даже под воздействием наркотиков, он не был склонен к мистическим переживаниям, но почему-то в данный момент он с ужасом понял, что испытывает нечто подобное: может быть, потому, что Маркус отошел от своей матери и направился к нему? Как бы то ни было, но его одолевали чувства весьма своеобразные. Кого-то из этих людей он не знал до сего дня, с кем-

то был знаком уже некоторое время, но все равно не мог сказать, что знает их хорошо. Но вот они оказались здесь: одна сжимает в руках картонную фигуру Курта Кобэйна, другой сидит в гипсе, третья плачет – и все они связаны друг с другом так причудливо, что, войди сейчас кто-нибудь посторонний, так ему сразу и не объяснишь. Уиллу еще не доводилось попадать в такую запутанную, беспорядочно растущую и хаотичную паутину; казалось даже, будто на мгновение ему приоткрылось, каково это – быть человеком. Не так уж и плохо: пожалуй, он не отказался бы даже посвятить свою жизнь тому, чтоб быть человеком» [5, р. 264; пер. Карины Чумаковой]. Эти рассуждения откликаются на современное состояние умов: современный европеец не воспринимает индивидуализм как гегелевскую чистую изоляцию (см. «Философия права»), но как ограничение малым кругом (см. «Демократия в Америке»).

Героем с равной степенью вероятности может стать и рассказчик, и его друг, но чаще всего – оба, тогда в фокусе – отношения между двумя подростками. Произведение, таким образом, сосредоточено не только на конкретной индивидуальности, но на ближнем круге, на одном-двух значимых близких, неважно, являются ли они первоначально родственниками или друзьями, насколько они вообще знакомы в начале повествования, важно, что ближний круг включает в себя Я и Другого, при этом инаковость каждого не воспринимается как чуждая и/или враждебная: «Ты единственный, в ком я не сомневаюсь, Оскар» [4]. Акцент на отношения между Я и Другим позволяет передать повседневность как проходящий момент, как отражение и впечатление и отойти от мышления в терминологии данности и конечности.

Такая включенность индивида (*embeddedness*, термин Ш. Шварца) в группу сегодня вовсе не означает потерю индивидуалистического мировоззрения. Поэтому не стоит всерьез заикливаться на категоричных утверждениях типа того, что «индивидуализм убивает среду, где встречаются Я и Другой, где они обмениваются не только мнениями, но и заботами друг о друге» [6, р. 173]. Скорее, наоборот, включенность индивидуума означает более узкий спектр ответственности, сосредоточенность на малом, на самом важном, на том, что тебе по плечу, и воспринимается как выход из загнанного сознания глобальной катастрофы XX века.

Действительно, подростковая литература не претендует на обладание тайным знанием, на уникальность формы и содержания и не стремится объять необъятное: мотив коллективной ответственности остался не востребуемым в XXI в., в то время как индивидуалистическое сознание спасает героев-подростков, в буквальном смысле помогает им выжить, как, например, позволяет не сойти с ума шестилетнему Оскару, потерявшему отца в результате теракта. Джонатан Фойер в романе «Жутко громко и запредельно близко» выводит две сюжетные линии. Мальчик находит в кабинете отца ключ и разворачивает компанию по поиску замка к этому ключу, и параллельно развивается рассказ о Холокосте через воспоминания бабушки и письма дедушки, а также придушенные, рваные воспоминания Оскара о событиях 11 сентября. Холокост и теракт представлены как параллельные витки развития истории человечества – глобальные события, сметающие человеческие жизни на своем пути. Судьба Оскара есть повторение судьбы дедушки, а личный мир Оскара рискует стать отражением покалеченной психики старого еврея-эмигранта. Молчание, самоповреждение, ночные кошмары – дед и внук понимают друг друга без слов с первой встречи. Опыт обоих позиционирует коллективное как страшное, индивидуальное – как безопасное. Единственным шансом мальчика сохранить вменяемость и не потерять связь с этим миром (что деду не удалось) становится мелкая и никому не нужная задача – поиск замка к ключу. Оскар знает, что он не вернет отца, но каждодневный труд (найти адреса всех Блэков в Нью-Йорке, выйти из дома,

говорить с незнакомыми, ездить одному в транспорте) шаг за шагом адаптирует его к социуму. При этом социум не сливается в единообразную массу, а снова представлен как множество отдельных личностей и отношений между ними. К каждому встреченному человеку Оскару приходится подбирать свой ключ, чтобы продвинуться в поисках. Таким образом, ключ из папиной вазы становится метафорой подлинного понимания между Я и Другим. Если же воспринимать повседневность как множество Других, то появляется возможность жить в такой реальности, а это значит, и в той части реальности, где смерть, теракт и все остальные ужасы мира.

Наблюдаемые трансформации в образе героя-подростка дублируют этапы становления европейского общества, отражают демократические ценности и прочно связаны с культурой присутствия. Выбор героя с особенностями является также следствием децентрации – размывания мейнстрима, смещения внимания на периферию как норму (в отличие от постмодернистского внимания к периферии как к маргинальному). показывает стремление писателей к изображению многообразия персонажей по ряду признаков. Дж. Л. Поли, автор популярной серии «Поколение Икара», при обсуждении будущей экранизации первого из своих романов указывает, что главное для нее – сохранение национального разнообразия персонажей в фильме: «Семь героев в «Полете» – это белый, черный, маори, китаец и представители двух рас: европеоид-афроамериканец и европеоид-латиноамериканец. Я надеюсь, любой кастинг-директор отнесется к этому с уважением. По поводу этого аспекта романа – разнообразия героев – я получила наибольшее количество положительных отзывов от подростков»² [7].

Еще чаще приятие многообразия более чем открыто выражают герои-подростки. Шестилетний Оскар в «Жутко громко и запредельно близко», когда размышляет, с какими людьми ему придется взаимодействовать при поиске замка, уверяет: «У меня были еще правила: не быть сексистом, или расистом, или гомофобом, или плаксой, не дискриминировать против пожилых, инвалидов и дегенераторов и не обманывать без повода, чем я занимался постоянно» [4].

Реализация принципа многообразия через образ героя тесно связана с другой тенденцией современной теории индивидуализма – отказом от ограниченной трактовки индивидуальности по интеллектуальным параметрам и включением тела как объекта саморефлексии, самопознания, самоидентификации (физической, гендерной, сексуальной). В условиях культуры повседневности важно осознавать, что тело способно дать ощущение реальности вне готовых значений, но непосредственно. В романе такое понимание индивидуализма приводит к доминированию эмотивного пространства над денотативным, интуиции над доводами рассудка, вниманием к телесному, мистическому, к детальному изображению эмоций и физиологических реакций, к чувствительности героев к своей гендерной и сексуальной самоидентификации, к распространению образов бисексуала, неизлечимо больного, аутиста и т.д.

Многие элементы поэтики подростково-молодежного романа также объясняются укорененностью жанра в культурно-философской парадигме современности. Так, типичный прием смены точки зрения обеспечивает многоголосие и диалогизм, необходимые для реализации принципа многообразия. «Выявление интересубъективности как категории возможно только в том случае, когда нарратив позволяет расслышать разные голоса или смена голосов» [8, p. 282]. В свою очередь, повествование от первого лица

² The seven characters in the Flight are white, black, Māori, biracial (African American/white and Hispanic/white), and Chinese. I'd hope any casting agent would respect that. It's one of the most common aspects on which I get positive feedback from teen readers – the diversity

в том случае, когда этим лицом является юный герой от 11 до 17 лет, по своей природе ненадежно. Ненадежность нарратора часто сознательно усиливается автором через мотивы лжи, иллюзии, невинности, через прием венаходимости героя, что также способствует неоднозначному восприятию реальности, созданию многовекторной картины мира, размытости истины, некатегоричности суждения.

Из индивидуалистической философии вытекают, собственно, все аксиологические ценности янг эдалта: эмпатия, принятие, амбивалентность суждений. Данное этическое поле подростково-молодежного романа формируется писателями осознанно. Ярким примером такого романа можно назвать «Крайне нелогичное поведение» (*Highly Illogical Behavior*, 2017) Дж. К. Уейли, где автор попытался переплюнуть коллег по цеху и закрутить сюжет сразу на нескольких популярных мотивах. Старшеклассница ради поступления в престижный медицинский колледж решает написать эссе о своем опыте лечения социально дезадаптированного сверстника. Ради поставленной цели она приходит в дом бывшего одноклассника, который давно перешел на домашнее обучение из-за панических атак. Агорафобия не позволяет ему выйти на лужайку перед домом, и Лизу он поначалу тоже сторониться, дверь же открывает по настоянию мамы, искренне считающей, что ее сын интересен девушке сам по себе. Ситуацию осложняет бойфренд Кларк, которому Лиза постыдилась рассказать об истинной цели своих визитов к Соломону. Сцены ревности и нежелание расставаться с популярным капитаном команды по регби перед выпускным вызывают Лизу на откровенность. Они начинают посещать Соломона вдвоем. Несмотря на полное отсутствие опыта в общении с социально дезадаптированными личностями старшеклассникам удается добиться успеха: Сол начинает выходить во двор, плавать в бассейне и даже влюбляется в... Кларка. Преодолеть все сложившиеся противоречия троице помогает способность поставить себя на место другого, искренне сопереживать и прощать. Роман заканчивается пусть не традиционно и ожидаемо, но определенно хэпизндом, провозглашая эмпатию как основную ценность янгэдалта [9]. С одной стороны, «крайне нелогичное поведение» не вызывает сильных эмоций у читателя, а скорее ощущение «сделанности», клишированности. Тем не менее, успех этого романа у юных читателей симптоматичен: поднятые темы и изображенные характеры кажутся им вполне жизненными. «На примере вымышленных героев читатели могут задуматься о множественности точек зрения и проникнуть в сущность того нового мира, с которым им отныне придется считаться. Они могут подумать, что они бы почувствовали или как бы они поступили в определенной ситуации, и проявили бы эмпатию к герою. Современная реалистическая литература не чурается проблем, с которыми сталкиваются молодые взрослые», – объясняет популярность подобных романов специалист по литературе для подростков Джулия Эклешар [10].

Таким образом, индивидуализм сегодняшнего янгэдалта не равносильен эгоизму, ведущему к эскапизму, но, наоборот, через переживание присутствия обеспечивает связь с повседневностью. Каждый из упомянутых выше или процитированных романов: «Жутко громко и чрезвычайно близко», «О мальчике», «Я до тебя», «Бумажные города», «Дудочник», «Тринадцать причин почему», «Наше будущее», «Крайне нелогичное поведение», «Ненависть, которую ты порождаешь», «Девятнадцать минут», «Ангел для сестры» – и многие другие проблемные подростково-молодежные романы подчеркивают ценность отдельной жизни и личных целей, самостоятельность и уникальность, эмпатию и ответственность за близкий круг при общем понимании крайней хрупкости и бренности бытия.

Ввиду того, что в аксиологический фокус подростковых романов осознанно попадают ценность отдельной жизни, уважение особенностей, утверждение уникальности лич-

ности, часто происходит заострение этих аксиологических смыслов и гиперболизация неидеальности, негероичности героя. Авторы часто наделяют юношей и девушек редкими и неизлечимыми болезнями, психической неуравновешенностью, физическими недостатками, нетрадиционной сексуальной ориентацией, чтобы утвердить гендерное, этническое, культурное, сословное, национальное, любое другое разнообразие и равноправие в этом разнообразии.

Очевидно, что в критические моменты развития человечества влияние индивидуализма ослабевает. С одной стороны, смена культурных парадигм сама по себе неизбежно связана с выходом из зоны комфорта, с другой стороны, индивидуализм предполагает ответственность. Большинство людей не в силах принять двойной вызов и склонно следовать коллективным решениям. Согласно социопсихологическим исследованиям, даже идиоцентрики, для которых на первом месте стоят собственные убеждения, чувства и эмоции в противовес взаимоотношениям с другими людьми, в ситуации опасности активизируют коллективистские предпочтения. В момент перехода свобод становится неизмеримо больше, но свобода, которую предоставляет индивидуализм, двойственна: она включает в себе и причину паники, фобий, чувства незащищенности, и ключ к спасению. В данном историческом моменте неизбежно сплочение отдельных индивидуумов вокруг коллективных ценностей (тех или иных). Поскольку проблемный подростково-молодежный роман замешан на индивидуалистическом мировоззрении, в 2022 г. можно говорить о том, что влияние этого жанра, по меньшей мере, уменьшится.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Moyes J.* Me Before You. London: Penguin, 2012.
2. *Picoult J.* House Rules. Hodder & Stoughton, 2010. 532 p. URL: <https://booksbooks.com/house-rules-pdf-jodi-picoult.html> (дата обращения: 02.04.2022).
3. *Lindsay James.* «The Ethical Value of Individuality». International Journal of Ethics. vol. 30. No. 4. 1920. pp. 423–449. URL: www.jstor.org/stable/2377132. Accessed 26 June 2021 (дата обращения: 05.04.2022).
4. *Foer, J.* Extremely Loud and Incredibly Close. Boston: Mariner Books, 2013.
5. *Hornby, N.* About a Boy / N. Hornby. Penguin books, 1998.
6. *Пастушкова О. В.* Гуманизм и индивидуализм // Вестник Воронежского государственного технического университета. Выпуск 7. № 6. 2011. С. 172–175.
7. *Kenzie M. J., Interview. K. L. Pawley* talks about Air Born, the first in a new YA series. URL: <https://www.nzbooklovers.co.nz/post/interview-j-l-pawley-talks-about-air-born-the-first-in-a-new-ya-series> (дата обращения: 05.04.2022).
8. *Hartley-Kroeger F.* Silent Speech: Narration, Gender and Intersubjectivity in Two Young Adult Novels. Children's Literature in education. Vol. 42. Issue 4. P. 276–288.
9. *Whaley J. C.* Highly Illogical Behavior. Dial Books, 2016.
10. *Eccleshar J.* Teenage fiction. Realism, romances, contemporary problem novels // Children's Literature; ed. By J. Eccleshar. URL: <https://schoolbag.info/literature/children/139.html> (дата обращения: 20.01.2022).